

Текст, подготовленный для выступления

Новый многосторонний подход для XXI века: лекция имени Ричарда Димблби

Кристин Лагард
Директор-распорядитель, Международный Валютный Фонд

Лондон, 3 февраля 2014 года

Добрый вечер! Для меня большая честь быть приглашенной выступить с лекцией имени Димблби в этом году, и я хотела бы поблагодарить Би-Би-Си и семью Димблби за столь любезное приглашение — и особенно Дэвида Димблби за его теплое вступительное слово.

Сегодня вечером я хотела бы поговорить о будущем. Однако прежде чем посмотреть вперед, я хочу оглянуться назад, ведь ключ к разгадке будущего нередко можно найти в «кофейной гуще» прошлого.

Предлагаю мысленно перенестись в прошлое, в первые месяцы 1914 года, ровно сто лет назад. К тому времени значительная часть стран многие годы жила в мире, и прорывы в научно-технических инновациях привели к коренным улучшениям уровня жизни и коммуникаций. Не было существенных барьеров для торговли, поездок или движения капитала. Будущее было многообещающим.

Однако 1914 год положил начало тридцатилетнему периоду бедствий, включая две мировые войны и Великую депрессию. В тот год все пошло не так. Что же произошло?

Дело в том, что рождение современного индустриального общества вызвало серьезные перекосы. Мир раздирали противоречия — соперничество между нациями, нарушения традиционного баланса сил и неравенство между имущими и неимущими, будь то в форме колониализма или отсутствия экономических перспектив у не получивших образования представителей рабочего класса.

К 1914 году эти дисбалансы вылились в прямой конфликт. В последующие годы националистические и идеологические установки привели к беспрецедентному унижению человеческого достоинства. Технологические достижения, вместо возвышения человеческого духа, служили целям уничтожения и устрашения. Первые

попытки международного сотрудничества, такие как Лига наций, потерпели неудачу. К концу Второй мировой войны значительная часть мира лежала в руинах.

Теперь вспомним второй поворотный момент — 1944 год. Летом того года выдающийся экономист Джон Мейнард Кейнс с делегацией должностных лиц Великобритании отправился в судьбоносное путешествие через Атлантический океан. Это было рискованное плавание — мир еще находился в состоянии войны, и вражеские корабли все еще рыскали по морям. У самого Кейнса были проблемы со здоровьем.

Но у него была назначена встреча с судьбой, и он не собирался ее пропустить.

Он направлялся в городок Бреттон-Вудс, среди холмов Нью-Хэмпшира на северо-востоке Соединенных Штатов. Там он должен был встретиться с коллегами из других стран. В их планы входило, ни много ни мало, реконструкция мирового экономического порядка.

Сорок четыре страны, представители которых собрались в Бреттон-Вудсе, были твердо намерены проложить новый курс — основанный на взаимном доверии и сотрудничестве, на принципе, что мир и процветание зиждутся на сотрудничестве, на вере в то, что широкие общемировые интересы преобладают над узкими эгоистическими интересами.

Это был исходный момент многостороннего сотрудничества — 70 лет назад. Он положил начало Организации Объединенных Наций, Всемирному банку и МВФ — организации, которую я с гордостью возглавляю.

Мир, который достался нам в наследство, был сформирован этими дальновидными людьми, лордом Кейнсом и его поколением. Благодаря им из пепла страданий и вражды подобно Фениксу возродились мир и процветание. Мы перед ними в неоплатном долгу.

Благодаря их усилиям последние семь десятилетий были периодом беспрецедентной экономической и финансовой стабильности. За это время были искоренены некоторые болезни, уменьшились конфликты, снизилась детская смертность, повысилась продолжительность жизни, и сотни миллионов людей выбрались из нищеты.

Вместе с тем, сегодня мы выходим из Великой рецессии, худшего экономического кризиса — и самого серьезного испытания — в жизни нашего поколения. Благодаря унаследованному от наших предшественников многостороннему подходу, выражающемуся в международном сотрудничестве, мы избежали новой Великой депрессии, которая бы вновь вызвала страдания людей по всему миру. Все мы

справились с этим испытанием, отвергнув протекционизм и подтвердив готовность к сотрудничеству.

Но впереди нас ждет еще много испытаний. Мы переживаем не менее важный период, чем тот, который прошли наши предшественники столетие назад. Мировая экономика вновь меняется до неузнаваемости с переходом от индустриальной эры к гипервзаимосвязанной цифровой эпохе.

Опять же, то, как мы ответим на эти изменения, покажет, чего мы стоим.

Обращая взгляд в будущее, к рубежу середины века, к миру, который мы оставим нашим детям и внукам, нужно задаться вопросом: каким мы хотим видеть этот мир — и как можно этого достичь?

Как говорит Шекспир в «Юлие Цезаре»: «Так мы теперь — на гребне у волны, и плыть должны с услужливым потоком, иль счастье упустить».

Сегодня я хочу затронуть две общие тенденции, которые будут преобладающими в грядущие десятилетия: усиливающиеся противоречия в глобальных взаимосвязях и в достижении экономической устойчивости.

Затем я хочу выдвинуть предложение, которое опирается на опыт прошлого и отвечает потребностям будущего — это более прочная основа для международного сотрудничества.

Иными словами, новый многосторонний подход для XXI века.

Противоречия в глобальных взаимосвязях

Начну с первой значительной тенденции — противоречий в глобальных взаимосвязях, когда мир одновременно сближается и разъединяется.

Под «сближением» я понимаю стремительную интеграцию и растущую взаимосвязанность, определяющие суть нашего времени. Это, по существу, современный эквивалент того, что пережили наши предки в роковые годы, предшествовавшие 1914 году.

Достаточно взглянуть на впечатляющее укрепление взаимосвязей в мировой экономике за последние несколько десятилетий.

Во-первых, происходит экспоненциальный рост мировой торговли. Сегодняшний мир характеризуется интегрированными цепями поставок, где более половины всего

промышленного импорта и более 70 процентов импорта услуг составляют промежуточные товары или услуги. Сегодня типичная компания в обрабатывающей промышленности использует комплектующие, поставляемые ей более чем 35 различными подрядчиками со всего мира.

Финансовые связи между странами также резко возросли. За два десятилетия, предшествовавшие кризису в 2008 году, международное банковское кредитование как доля мирового ВВП увеличилось на 250 процентов. Следует ожидать дальнейшего роста этого показателя в будущем, по мере того, как все больше стран будут включаться в систему финансовых связей глобальной экономики.

Мы также переживаем революцию в области коммуникаций. Она породила взрывообразный рост взаимосвязей, с молниеносным распространением информации из неограниченного числа источников. Сегодняшний мир — это гул перекликающихся голосов и улей взаимосвязанных жизней.

Сегодня три миллиарда человек связаны между собой в сети интернет. Каждую секунду отправляется три миллиона сообщений по электронной почте. В мире почти столько же мобильных устройств, сколько людей, и «мобильный образ мышления» глубоко укоренился во всех регионах мира. Причем наиболее широкое распространение мобильная связь получила в Африке и Азии.

В 1953 году, когда люди смотрели по телевидению или слушали по радио церемонию коронации Королевы Елизаветы II, происходящее комментировал фактически один голос Ричарда Димблби, мастера своего дела, которому мы отдаем дань сегодня. А прошлым летом, когда появился на свет принц Джордж, о его рождении возвещало более 25 тысяч твитов в минуту!

При таких головокружительных темпах перемен, конечно, можно посочувствовать Вайолетт Кроули, графине в сериале «Аббатство Даунтон», которая задавалась вопросом, является ли телефон «средством связи или орудием пытки»!

Этот дивный новый мир, этот гиперсвязанный мир, несет в себе огромные надежды и возможности.

Укрепление торговых и финансовых связей может принести ощутимую пользу миллионам людей — за счет ускорения роста и большего сближения уровней жизни. Мы в состоянии сделать реальностью мечту об искоренении крайней бедности.

Коммуникационная революция тоже может быть мощной силой добра. Она может открывать новые возможности для людей, раскрывать потенциал творчества и стимулировать преобразования. Вспомните, как сообщения по Твиттеру помогли

мобилизовать участников «Арабской весны» или как распространение через социальные сети слов Малалы в Пакистане пробудило совесть всего мира.

Однако не все так безоблачно. Глубокие и плотные связи становится трудно распутать. В таком хитросплетении самые малые противоречия могут усиливаться, распространяя отголоски и последствия по всему миру, часто мгновенно, нередко с непредсказуемыми поворотами сюжета. Каналы, обеспечивающие сближение стран, могут также порождать цепную реакцию потрясений.

В результате мировая экономика может стать еще более подверженной нестабильности. Без продуманного управления, финансовая интеграция может привести к более частым и более разрушительным кризисам. Подумайте, например, о том, где и как возник последний мировой финансовый кризис — начавшись на ипотечных рынках в пригородах Америки, он распространился по всему миру.

Коммуникационная революция тоже имеет темную сторону. Она может сеять разногласия, вызывать политическую раздробленность и создавать неразбериху. Вместо электронного форума для обсуждения идей или выражения мнений мы можем получить виртуальную толпу или глобальную платформу для разжигания нетерпимости или ненависти. Вместо прекрасной симфонии может разразиться режущая слух какофония.

Таким образом, во всем этом важнейшей задачей для нас будет укреплять все хорошее и уменьшать плохое.

Управлять процессом большого «сближения» и так достаточно трудно, но это еще более усложняется другим направлением, о котором я упоминала: тенденцией разъединения мира одновременно с его сближением.

Возникает парадокс. Что я имею в виду? Речь идет о рассредоточении влияния по всему миру, с охватом более широкого круга географических регионов и более разнообразных заинтересованных сторон в мире. В отличие от интеграции, наши прародители не сталкивались ни с чем подобным. Это определяющая особенность нашей гипервзаимосвязанной эпохи.

Одной из главных мега-тенденций нашего времени является перемещение мирового влияния с запада на восток и с севера на юг — сначала всего несколько центров, потом все больше и, наконец, несметное множество.

Пятьдесят лет назад страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны производили примерно четверть мирового ВВП. Сегодня это уже половина, причем их

доля продолжает быстро расти и, скорее всего, достигнет двух третей в течение следующего десятилетия.

Это рассредоточение влияния также выходит за рамки отношений между странами, распространяясь на множество сетей и организаций, составляющих структуру глобального сообщества.

Можно привести пример усиливающейся сети неправительственных организаций, которые могут использовать революцию в сфере коммуникаций, чтобы расширить свой охват и усилить голоса гражданского общества. Всего за 20 лет число таких групп, ассоциированных с Организацией Объединенных Наций, возросло с 700 почти до 4000.

Подумайте о растущей мощи транснациональных корпораций, которые теперь контролируют две трети мировой торговли. Согласно некоторым исследованиям, ввиду своих огромных размеров 12 транснациональных корпораций теперь входят в число 100 крупнейших в мире экономических образований.

Подумайте о крупных городах — 31 их них также в этой первой сотне. И они продолжают расти. К 2030 году около 60 процентов мирового населения будет жить в городах.

Подумайте также о все более высоких устремлениях граждан, которые все больше ощущают себя частью нашей взаимосвязанной «глобальной деревни», но еще не совсем адаптировались к ней. К 2030 году мировой средний класс может превысить 5 миллиардов человек, по сравнению с 2 миллиардами на сегодняшний день. Эти люди неизбежно потребуют более высокого уровня жизни, а также большей свободы, более достойной жизни и большей справедливости. Почему они должны довольствоваться меньшим?

Это будет более разнообразный мир с более высокими требованиями и более рассредоточенным влиянием. В таком мире может быть намного труднее решать вопросы, достигать консенсуса по вопросам мирового значения.

Существует риск того, что хотя мир будет более интегрированным (в экономическом и финансовом, а также технологическом отношениях), он будет более раздробленным с точки зрения власти, влияния и принятия решений. Это может приводить к большей нерешительности, тупиковым ситуациям и неуверенности — соблазну экстремизма — и это требует новых решений.

Противоречия в обеспечении экономической устойчивости

Нам также потребуется найти решения проблем, связанных со второй общей тенденцией, которая будет доминировать в следующие несколько десятилетий —

противоречий в обеспечении экономической устойчивости, между сохранением прочной экономики и замедлением роста.

Разумеется, первоочередная задача для экономического роста состоит в преодолении финансового кризиса, который начался шесть лет назад и еще не закончился, о чем нам в эти дни напоминают рынки. Это требует настойчивых и скоординированных усилий для решения все еще существующих проблем — наследия высокого частного и государственного долга, слабых банковских систем и структурных препятствий для повышения конкурентоспособности и роста — которые привели к неприемлемо высоким уровням безработицы.

Я знаю, вы привыкли слышать от МВФ об этих проблемах. Сегодня, однако, я хочу соотнести их с препятствиями более долгосрочного характера. Выделю три таких препятствия: демографические сдвиги, деградация окружающей среды и неравенство доходов. Как и в случае глобальных взаимосвязей, некоторые из этих проблем были бы знакомы нашим предкам — например, рост неравенства. Вместе с тем, другие являются новыми и неизведанными — например, давление на окружающую среду.

Демографические процессы

Начну с демографии. В следующие три десятилетия население мира станет намного больше по численности и намного старше.

Через 30 лет на планете будет примерно на два миллиарда людей больше, из них более трех четвертей миллиарда старше 65 лет. К 2020 году в мире впервые будет больше пожилых людей старше 65 лет, чем детей до 5 лет.

Изменится и географическое распределение — численность молодежи в таких регионах, как Африка и Южная Азия, резко возрастет, а население Европы, Китая и Японии постареет и сократится. Мы ожидаем, что в предстоящие десятилетия по численности населения Индия превзойдет Китай, а Нигерия превзойдет Соединенные Штаты. При этом население и Китая, и Индии начнет стареть в ближайшем будущем.

Это может создать проблемы на обоих концах демографического спектра — для молодых и «седеющих» стран.

В данный момент молодые страны проходят период, характеризующийся повышенной долей молодежи: почти три миллиарда человек (половина мирового населения) сейчас моложе 25 лет. Это может принести как пользу, так и вред, обернуться демографическим дивидендом или демографической бомбой замедленного действия.

Молодое население, несомненно, является благоприятной средой для инноваций, динамичного развития и творчества. Но все будет зависеть от создания достаточного числа рабочих мест, чтобы удовлетворить чаяния нового поколения.

Это требует целенаправленных мер по совершенствованию образования, в особенности с учетом потенциально огромного воздействия технологического прогресса на занятость. В перспективе такие факторы, как революция в использовании интернета, развитие «умных» машин и увеличение высокотехнологичных составляющих в производстве продукции, будут иметь очень значительные последствия для рабочих мест и характера нашей работы. Однако правительства стран не занимаются составлением соответствующих планов, которые бы носили достаточно стратегический или упреждающий характер.

У стареющих стран, разумеется, будут иные проблемы. Они столкнутся с замедлением роста как раз тогда, когда им нужно будет заботиться о нуждах поколения людей, выходящих на пенсию, которые внесли свой вклад в благосостояние общества и рассчитывают, в рамках общественного договора, получать достойные социальные услуги в преклонном возрасте. Это тоже может вызывать напряженность.

Миграция из молодых стран в старые может несколько уменьшить трудности для обеих групп стран. Но она может и усугублять напряженность — «утечка мозгов» может ослаблять производительный потенциал в странах происхождения миграции, а внезапный приток населения может подрывать социальную сплоченность в принимающих странах и усиливать национализм. Да, миграция может помочь, но этим процессом необходимо умело управлять.

Деградация окружающей среды

Итак, демографическая ситуация представляет собой одно потенциальное долгосрочное препятствие. Вторым является деградация окружающей среды, новейшая и сложнейшая проблема нашей эпохи. Нам всем известно, что поставлено на карту. Рост населения при повышении благосостояния доведет природную среду до предела ее возможностей.

С течением времени в этом столетии можно ожидать усиления проблем с нехваткой воды, продовольствия и энергоресурсов. К 2030 году почти половина населения в мире будет жить в регионах, испытывающих значительную напряженность с водой или ее дефицит.

Над всем этим довлеет безжалостная динамика изменения климата. Из-за самонадеянности человечества природная среда, которая нам необходима для поддержания жизни, вместо этого оборачивается против нас.

Не будем заблуждаться: именно наиболее уязвимые люди мира более всего пострадают от экстремальных колебаний климата. Например, по некоторым оценкам, 40 процентов земли, которая сейчас используется для выращивания кукурузы в странах Африки к югу от Сахары, к 2030-м годам станет непригодной для этой культуры. Это будет иметь серьезнейшие разрушительные последствия для источников доходов и жизни людей в Африке.

Несколько лет назад принц Чарльз выступил с этой же самой лекцией имени Димблби. Он воспользовался этой возможностью, чтобы обратиться со страстным призывом соблюдать естественный закон экологической устойчивости. «Когда мы нарушаем свой долг перед Землей, — сказал он, — мы нарушаем свой долг перед человечеством».

Плохая новость заключается в том, что мы опасно близки к критическому уровню. Хорошая новость состоит в том, что еще не поздно обратить эту волну вспять даже в условиях повышения уровня моря.

Преодоление изменения климата, очевидно, представляет собой гигантский проект со множеством движущихся частей. Я хотела бы отметить лишь один компонент — обеспечение того, чтобы люди платили за ущерб, который они причиняют. Почему так важен этот аспект — правильное ценообразование? Потому что оно поможет сократить ущерб сегодня и будет стимулировать инвестиции в технологии завтрашнего дня, обеспечивающие низкий уровень выбросов углекислого газа.

Постепенная отмена энергетических субсидий и установление обоснованных цен на энергоресурсы также должны быть частью решения. Вдумайтесь: мы субсидируем именно то поведение, которое разрушает нашу планету, и делаем это в огромных масштабах. Как на прямые субсидии, так и на потери налоговых доходов от ископаемых видов топлива растрчено почти 2 трлн долларов в 2011 году — что примерно равно общему объему ВВП таких стран, как Италия или Россия! Хуже всего то, что от этих субсидий выгоды получают относительно зажиточные слои, а не бедные. От сокращения этих энергетических субсидий и надлежащего налогообложения потребления энергии в перспективе могут выиграть как люди, так и планета.

Неравенство доходов

Демографическая ситуация и деградация окружающей среды представляют собой две важных долгосрочных тенденции, а расхождения в доходах являются третьей такой тенденцией. В действительности это — давняя проблема, которая вновь вышла на передний план.

Мы все хорошо понимаем, что неравенство доходов увеличивается в большинстве стран. Семь из десяти людей в мире проживают в странах, где за последние три десятилетия неравенство усилилось.

Некоторые из цифр поражают — согласно Oxfam, 85 богатейших людей в мире обладают таким же объемом богатства, как половина мирового населения с наиболее низкими доходами.

В США неравенство вновь достигло уровня, на котором оно было до Великой депрессии, 1 процент самых богатых получил 95 процентов прироста доходов с 2009 года, тогда как 90 процентов населения, имеющего более низкие доходы, стало беднее. В Индии чистая общая стоимость активов миллиардеров за 15 лет увеличилась в 12 раз, эта сумма в два раза превышает объем средств, необходимый для ликвидации абсолютной бедности в стране.

С учетом таких фактов неудивительно, что неравенство все больше привлекает внимание мирового сообщества. Неудивительно, что все, от Конфедерации британской промышленности до папы Франциска, говорят о неравенстве, потому что оно может разорвать бесценные узы, объединяющие наше общество.

Буду откровенна: в прошлом экономисты недооценивали значение неравенства. Основное внимание уделялось экономическому росту, «размеру пирога», а не его распределению. Сегодня мы более остро осознаем ущерб, наносимый неравенством. Seriously искаженная система распределения дохода, по сути дела, пагубно сказывается на темпах и устойчивости роста в более долгосрочной перспективе. Она также ведет к экономике, изолирующей определенные группы, и массовой растрате неиспользованного потенциала.

Поставить диагноз данной проблемы легко, но решить ее гораздо сложнее.

По опыту работы в МВФ нам известно, что налогово-бюджетная система может содействовать уменьшению неравенства благодаря тщательной разработке налоговой политики и политики в области расходов. Следует подумать о том, чтобы сделать налогообложение более прогрессивным, расширить доступ к здравоохранению и образованию и ввести более эффективные и адресные социальные программы. Однако эти меры политики сложно разработать, и, поскольку они приводят к «выигрышу» одних и «проигрышу» других, они вызывают сопротивление и требуют мужества.

Тем не менее, нам необходимо решать эти вопросы и обеспечить, чтобы при разработке мер политики «всеобъемлющему характеру» придавалось такое же значение, как «росту». Да, нам необходим всеобъемлющий экономический рост.

Более широкое участие в экономической жизни и расширение возможностей также означают сокращение кумовства и коррупции. Это тоже должно стать одной из первоочередных задач политики.

У неравенства есть еще один аспект, который я хотела бы здесь обсудить и который близок моему сердцу. Если мы говорим о всеобщем участии в экономической жизни, то мы, несомненно, должны сказать о гендерной проблеме.

Как нам хорошо известно, девочки и женщины до сих пор не имеют возможности реализовать свой потенциал — не только в развивающихся странах, но и в богатых странах. По оценкам Международной организации труда, во всем мире 865 миллионов женщин испытывают ограничения. Они сталкиваются с дискриминацией при рождении, за школьной партой, в руководстве компаний и организаций. Они встречают сдержанное отношение на рынках и в умах людей.

Но при этом экономическая объективная реальность совершенно ясна. Не позволяя женщинам вносить свой вклад, мы в итоге имеем более низкий уровень жизни для всех. Если бы женщины участвовали в рабочей силе в той же степени, что и мужчины, то прирост дохода на душу населения был бы огромным — 27 процентов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, 23 процента в Южной Азии, 17 процентов в Латинской Америке, 15 процентов в Восточной Азии, 14 процентов в Европе и Центральной Азии. Мы просто не можем себе позволить пренебречь такими возможностями.

«Дерзая быть иными», как я называю это, — предоставив женщинам возможности для участия наравне с мужчинами, можно коренным образом изменить глобальную экономическую ситуацию. Мы должны дать женщинам возможность добиться успеха — для себя и для всех девочек и мальчиков будущего. Это будет их мир — давайте его им предоставим.

Новый многосторонний подход для новой эры

Сегодня я говорила об основных проблемах, которые будут доминировать в мировой экономике в предстоящие годы — противоречия между сближением и разъединением; и противоречия между сохранением прочной экономики и замедлением роста. Я говорила об этих проблемах, которые выглядели бы знакомыми столетие назад, и о некоторых, которые являются абсолютно новыми.

Сейчас возникает вопрос: как мы преодолеем эти проблемы? В чем заключаются решения?

Преодоление первого противоречия сводится к одному простому вопросу: будем ли мы сотрудничать как одна мировая семья или мы будем вести конфронтацию друг с другом, окопавшись в своей замкнутости? Мы друзья или враги? Преодоление второго противоречия потребует от нас противодействия общим угрозам, для которых границы не являются препятствиями. Будет ли мы преодолевать трудности сообща или же возводить все новые границы и оборонительные линии Мажино, создающие лишь иллюзию защиты?

Поэтому ответ на оба противоречия является одинаковым: возобновленная приверженность международному сотрудничеству; приданию большей значимости глобальным интересам, а не собственным интересам; многостороннему подходу.

Как однажды сказал Мартин Лютер Кинг: «мы не можем вырваться из сети взаимности, мы связаны общей одеждой судьбы. Все, что затрагивает напрямую одного, затрагивает косвенно всех».

Это, по сути дела, старый урок для новой эпохи. В такие судьбоносные времена нам необходимо выбрать этические ценности 1944 года, а не 1914 года. Нам необходимо возродить дух Бреттон-Вудса, который хорошо нам послужил.

Вместе с тем, это не означает, что нам необходимо снова начинать с чистого листа.

Благодаря наследию истории, у нас есть готовые конкретные, действующие формы сотрудничества. Вновь на ум приходят Организация Объединенных Наций, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и, конечно, МВФ. Мы можем назвать их конкретными или «жесткими» формами глобального управления.

У нас есть также ряд «мягких» инструментов, например, на одном конце спектра Группа 20-ти, а на другом — сети неправительственных организаций. Эти структуры не имеют официальных мандатов или правовых полномочий для обеспечения соблюдения норм, но от них есть польза. Они могут быстро реагировать и могут приоткрывать двери для диалога. Как Уинстон Черчилль отметил в своей крылатой фразе, «переговоры всегда лучше, чем война»!

Мы видели результативность многостороннего подхода в действии, как в «жесткой», так и в «мягкой» форме. В качестве примера «мягкого» сотрудничества достаточно лишь вспомнить опыт, полученный здесь, в Лондоне пять лет назад, когда страны Группы 20-ти мобилизовали свои усилия, чтобы повернуть течение кризиса и не допустить сползания мира во вторую Великую депрессию.

Что касается более конкретных форм, то я предлагаю вам вспомнить об исторической роли, которую играл МВФ на протяжении многих лет — помощь Европе после войны,

новым государствам Африки и Азии после независимости, странам бывшего Восточного блока после падения «железного занавеса», а также Латинской Америке и Азии после тяжелейшего кризиса. Во время текущего кризиса мы приняли 154 новых обязательства по кредитованию, фактически предоставили нуждающимся странам 182 млрд долларов и оказали техническую помощь 90 процентам государств-членов. Их у нас 188.

Достоинство нового многостороннего подхода состоит в том, что он может развиваться на основе старого, но идти дальше. Существующие инструменты сотрудничества оказались весьма успешными и их необходимо сохранять и защищать. Это означает, что такие организации как МВФ, должны стать полностью актуальными и полностью отражать меняющуюся динамику мировой экономики. Мы работаем в этом направлении.

В более общем плане, новый многосторонний подход должен стать более широким и охватывать не только новые формирующиеся державы во всем мире, но и расширяющиеся сети и коалиции, которые сейчас прочно включены в структуру глобальной экономики. Новый многосторонний подход должен предусматривать возможность выслушивать и реагировать на эти новые голоса.

Новый многосторонний подход должен также обладать гибкостью, с тем чтобы «мягкие» и «жесткие» формы сотрудничества дополняли друг друга, а не конкурировали между собой. Необходимо содействовать учету долгосрочной перспективы и глобальному менталитету и проявить решительность в ближайший период, чтобы противостоять искушению замкнутости и движения кое-как.

По существу, этот подход должен привить более широкое чувство социальной ответственности всем участникам современной глобальной экономики. Он должен привить ценности мировой цивилизованной рыночной экономики — глобальной гильдии, если так можно выразиться.

Что это может означать на практике? Это, безусловно, означает многое, начиная с принятия заинтересованными сторонами в мире коллективной ответственности за управление сложными каналами гиперсвязанного мира.

Для начала, это означает новое выражение приверженности открытости и взаимным выгодам торговли и иностранных инвестиций.

Это также требует коллективной ответственности за управление международной валютной системой, которая прошла путь в несколько световых лет со времени старой Бреттонвудской системы. Такая коллективная ответственность приведет к тому, что

все денежно-кредитные организации будут работать в тесном сотрудничестве, помня о потенциальных последствиях своих мер политики для других.

В свою очередь, это означает, что нам необходима финансовая система для XXI века. Что под этим я имею в виду?

Я имею в виду финансовую систему, которая служит производительной экономике, а не своим целям, системе, где юрисдикции добиваются собственной выгоды лишь тогда, когда преобладает более широкое глобальное благо и где есть система регулирования с глобальным охватом. Я имею в виду финансовый надзор, который действенным образом ограничивает эксцессы и при этом обеспечивает поступление кредита туда, где он больше всего необходим. Я также имею в виду финансовую структуру, в рамках которой финансовая индустрия принимает совместную ответственность за целостность всей системы, где культура воспринимается так же серьезно, как капитал, и где моральная установка служить реальной экономике, а не править ею.

Это имеет особый резонанс здесь, в Лондонском Сити. Как финансовый центр с мировым размахом он должен быть финансовым центром с глобальной ответственностью. И, при всем моем уважении и восхищении, это не ограничивается назначением канадца на пост руководителя Банка Англии!

Новый многосторонний подход XXI века нам также необходим, чтобы решить огромные проблемы, такие как изменение климата и неравенство. В этих вопросах ни одна страна не может действовать автономно. Борьба с изменением климата потребует согласованной решимости всех заинтересованных сторон действовать сообща — государственных органов, городов, компаний, гражданского общества и даже частных лиц. Странам также необходимо вместе действовать для преодоления неравенства. Вот один лишь пример: если страны конкурируют за привлечение предприятий, снижая налоги на доходы корпораций, это может усугубить неравенство.

В целом, добиться сотрудничества XXI века, которое я имею в виду, будет непросто. Возможно, это станет еще труднее по прошествии времени, когда опустится занавес после этого кризиса, когда наступит самоуспокоенность, хотя в это же время могут высеваться семена следующего кризиса.

Но с учетом тенденций, которые будут доминировать в ближайшие десятилетия, есть ли в действительности у нас выбор? Без нового многостороннего подхода не обойтись.

Заключение

В этой связи я хочу вернуться к началу — к Кейнсу и той знаменитой встрече с судьбой.

Говоря об этом великом моменте принятия многостороннего подхода, он отметил, что «если мы сможем продолжать в том же духе, то этот кошмар, в котором большинство присутствующих провело слишком большую часть своей жизни, прекратится. Братство людей перестанет быть только фразой».

История доказала правоту Кейнса. Наши предтечи уничтожили демонов прошлого, оставив нам более совершенный мир — и наше поколение воспользовалось этим в наибольшей степени.

Мы находимся здесь сегодня благодаря основе, которую заложило предыдущее поколение.

Теперь настал наш черед — проложить дорогу для следующего поколения. Готовы ли мы к этому вызову? Наше будущее зависит от ответа на этот вопрос.

Благодарю за внимание.